

Чу Янь внимательно наблюдал за праведным негодованием лекаря Е, и в его взгляде промелькнуло нечто новое.

— Он ко мне равнодушен.

— Э-э-э?!

— Чему ты так удивляешься? — Чу Янь всегда баловал свою Систему, а потому мысленно добавил: — Возможно, это удастся использовать.

Чу Янь заворочался и протянул руки к лекарю Е. При этом движении цепи на запястьях отозвались резким, неприятным звоном, который в тишине комнаты прозвучал особенно пронзительно. Чу Янь смотрел на лекаря так, словно искал спасения, словно видел в нем свое единственное избавление.

Но стоило его пальцам почти коснуться лекаря, как он замер, заметив на своих руках оковы. Свет в глазах Чу Яня начал медленно гаснуть. Лекарь Е отчетливо увидел, как внутри этого человека рушится что-то бесценное.

Не в силах вынести этой боли, лекарь Е воскликнул:

— Ваше Величество, вам нужно, чтобы я что-то для вас сделал?

— Помогите мне найти одного человека.

— Все, что прикажете, Ваше Величество! Я готов пойти на смерть ради вас!

— Не нужно умирать. Найди маркиза Линя, я спрятал его в тайном ходу.

Лекарь Е широко раскрыл глаза, а Чу Янь, осторожно придвинувшись, начал шептать ему на ухо, где именно находится вход. От этого шепота у лекаря даже уши покраснели — он и представить не мог, что когда-нибудь окажется так близко к императору.

Когда Чу Янь закончил, лекарь Е торжественно пообещал:

— Я обязательно исполню ваш наказ, Ваше Величество.

— Линь Цзиньчжи после того, как я назвал его лжецом, наверняка окружил эту комнату своими соглядателями. Думаю, все, что я сказал лекарю Е, уже дошло до его ушей. Надеюсь, он поскорее отправится следить за ним.

Система: — Хозяин, вы снова за свое!

— А кто велел Линь Цзиньчжи быть таким мерзавцем? Раз он приставил ко мне людей на каждом шагу, пусть не винит меня за расставленные ловушки.

В это же время Линь Цзиньчжи вел переговоры с князем Синем. Князь был младшим братом Чу Яня, и император, доверяя ему, не только не опасался его, но даже выделил в его распоряжение лагерь Сяююн. Линь Цзиньчжи беседовал с князем, когда случайно услышал донесение от своих подчиненных.

Лицо его переменялось, и даже стоявший рядом Хань Чжэн заметил неладное.

— Цзиньчжи?

Линь Цзиньчжи, едва сдерживая перемену в настроении, сухо бросил Хань Чжэну:

— Ваше Высочество князь Синь, у меня появились неотложные дела, прошу прощения, я вынужден откланяться.

Взгляд Хань Чжэна был прикован к Линь Цзиньчжи, что заметно раздражало князя. Как только молодой маркиз Уань, человек, привыкший все держать под контролем, удалился, князь Синь перевел взгляд на Хань Чжэна:

— Великий полководец, не подскажите, как обстоят дела с ранением Его Величества?

Хань Чжэну пришлось взять на себя роль посредника:

— С момента возвращения с охоты Его Величество остается без сознания. Неужели князь Синь подозревает Цзиньчжи? Он ведь самый близкий для императора человек.

И в самом деле, брат всегда был очень близок с Линь Цзиньчжи. Да и об их отношениях он был наслышан.

Лицо князя Синя похолодело. Император давно не выходил к министрам, а у него в распоряжении был лишь лагерь Сяююн — воины, может, и сильные, но в дворцовых интригах совершенно бесполезные.

Он отпил вина, чувствуя, как внутри все холодеет.

Князь Синь глубоко вздохнул:

— Тогда я откланяюсь.

Хань Чжэн жестом пригласил его на выход.

Проводив князя, Хань Чжэн вернулся в комнату, где держали Чу Яня. Стоило ему толкнуть дверь, как внутрь ворвался холодный ветер, принес с собой лепестки грушевых цветов, прилипшие к его одежде на банкете.

В комнате, запертый, находился неземной красоты человек, который даже не взглянул на вошедшего. Хань Чжэн понимал: Линь Цзиньчжи явно что-то узнал, раз так поспешно ушел. Он думал, что Линь Цзиньчжи придет навестить этого нерадивого императора.

— Зачем ты пришел? — голос Чу Яня был холодным, как звон льда о нефрит.

— Видеть, как Его Величество терпит такие муки и все еще цепляется за жизнь — я восхищен.

Чу Янь не хотел удостаивать его даже взглядом и хранил молчание. У него поднялся жар, он зашелся в мучительном кашле, отчего на бледном лице проступил нездоровый румянец.

Хань Чжэн почувствовал странное смятение. Раньше он так ненавидел Чу Яня за то, что тот увел у него Линь Цзиньчжи, но теперь...

Он подошел ближе:

— Почему ты не смотришь на меня?

— Мятежник, ты оскверняешь мой взор.

Хань Чжэн дернул за цепь на шее Чу Яня, рывком притягивая его к себе. У императора не было сил сопротивляться, и он упал в объятия Хань Чжэна. Поняв, что произошло, он до крови закусил губу, лицо его стало блее бумаги.

Он попытался отстраниться, но Хань Чжэн крепко держал цепь, прикованную к железному ошейнику, не давая вырваться.

Чу Янь не хотел умирать.

Он пережил те страшные дни, и сейчас тоже не собирался сдаваться. Он мог улыбаться, позволяя другим играть собой. Разве такой человек может легко расстаться с жизнью? Поэтому Чу Янь продолжал влачить свое жалкое существование — он хотел жить.

— Его Величество не хочет смотреть на меня, но я хочу, чтобы он видел меня.

Хань Чжэн и сам не понимал, что с ним происходит. С того самого дня отношение Линь Цзиньчжи к нему стало подозрительно враждебным. Словно он... покусился на то, что принадлежало Линь Цзиньчжи.

Он хотел отомстить за Линь Цзиньчжи, да и у самого Хань Чжэна были счеты с Чу Янем. Он хотел унижить этого нерадивого правителя, поэтому делал ровно то, чего тот не хотел.

Хань Чжэн сжал подбородок Чу Яня и с силой повернул его голову. Чу Янь не желал смотреть, словно это была последняя капля его достоинства. Он решительно не открывал глаз, пока Хань Чжэн не прошептал ему на ухо, словно демон:

— Я знаю, что один маленький евнух был очень предан Вашему Величеству.

Гао Хуа?

[Каков уровень доверия Гао Хуа ко мне?]

[Очень высокий, почти сто процентов.]

— Гао Хуа... он сейчас снаружи?

— Разумеется. — Улыбка Хань Чжэна была почти жестокой.

Отлично! Как раз вовремя.

Для внедрения ложных воспоминаний нужно присутствие свидетеля. В душе Чу Яня промелькнуло недоброе предчувствие: возможно, ему придется вложить в голову Гао Хуа воспоминания о Сяо Чэне. В конце концов, если он скажет об этом сам, это не возымеет должного эффекта.

Цепи зазвенели в такт — процесс внедрения воспоминаний начался. Ему нужно было, чтобы именно Гао Хуа произнес нужные слова.

— Ваше Величество уже все решили?

Чего он хочет добиться?

Вскоре Хань Чжэн приказал подчиненным привести Гао Хуа. Юноша был в ужасе, и при виде того, как Хань Чжэн обращается с императором, у него глаза налились кровью:

— Вы, предатели! Отпустите Его Величество!

Хань Чжэн остался невозмутим.

— Если Его Величество не откроет глаза, Гао Хуа умрет.

Ресницы Чу Яня мелко задрожали, губы были пугающе бледными. Он боролся с собой, в горле стоял привкус крови, грудь тяжело вздымалась.

Хань Чжэн подал знак, и его люди обнажили мечи перед Гао Хуа. Но Гао Хуа так жалел Чу Яня, что был готов скорее умереть, чем просить пощады или позволить императору узнать об этом. Если не станет его, этой слабости, мятежники не смогут больше мучить правителя. Его император с самого детства столько страдал... Гао Хуа больше не хотел, чтобы он терпел мучения.

Когда брызги крови попали на Чу Яня, он наконец открыл глаза. Он не ожидал, что Хань Чжэн решится на убийство, пока он сам еще колебался. Он хотел протянуть руку, обнять Гао Хуа, но перед ним лежало лишь бездыханное тело.

Чу Янь застыл, его тело сотрясала мучительная дрожь, он забыл, как дышать.

Все кончено. Все, кто заботился о нем, уходят.

Хань Чжэн рассмеялся:

— Ваше Величество наконец-то открыли глаза, чтобы посмотреть на меня?

— Чего ты хочешь?

— Помните ли вы чиновника, которого казнили из-за одного вашего слова в детстве? — низким голосом спросил Хань Чжэн. — Это был приемный брат, который вырастил меня! Я пришел вместо него, чтобы взыскать с вас этот долг.

Чу Янь расширил глаза, словно одно воспоминание об этом приводило его в ужас. Зрачки его дрожали, тело билось в конвульсиях — он был явно не в себе.

Хань Чжэн нахмурился. Чу Янь был не только его соперником в любви, но и заклятым врагом, он хотел мучить его. Но, видя такое состояние императора, он невольно замер.

Чу Янь шевелил губами, словно пытаясь что-то сказать. Хань Чжэн наклонился ближе и услышал лишь три слова:

— Как страшно...

Линь Цзиньчжи, узнав, что лекарь Е отправился к тайному ходу, последовал за ним. Это был секретный путь для спасения императорской семьи, о котором с древних времен знал только сам правитель. Линь Цзиньчжи никак не мог вывести его тайну, и он был поражен, что Чу Янь открыл ее постороннему.

От одной этой мысли лицо Линь Цзиньчжи холодело. В ненависти примешивалась ревность, хотя он сам не осознавал этого. В этот момент он особенно остро почувствовал: Чу Янь доверился чужаку, а не ему. Неужели Чу Янь считал, что даже в моменты их близости он не заслуживал доверия?

Впрочем... об этом он уже давно догадался, к чему спрашивать?

Лекарь Е шел очень осторожно, но, не будучи обученным боевым искусствам, он и не подозревал, что за ним следят. Он свернул в бамбуковую рощу и по указаниям Чу Яня наконец нашел вход в тайный ход заброшенного дворца. Даже лекарь не мог не удивиться — кто бы мог подумать, что здесь скрыт такой проход.

С фонарем в руках лекарь Е продвигался вперед. Вокруг завывал ледяной ветер, отчего у него сердце уходило в пятки. Император предупреждал: кругом либо тупики, либо ловушки, настолько запутанные, что даже мастеру меча не выбраться, если не следовать точно указанному пути.

Несмотря на страх, лекарь Е собрался с духом и с трудом добрался до тайной комнаты.

— Кто здесь?! — раздался голос изнутри.

— Это по приказу Его Величества, — поспешно ответил лекарь.

Как только он это произнес, налетел порыв ветра и задул фонарь. Внутри было так темно, что лишь тусклый свет ночного жемчуга позволял хоть что-то разглядеть. Человек вышел из тени и приставил меч к его горлу:

— Доказательство.

Лекарь Е заикаясь произнес пароль, и лишь услышав его, человек убрал меч.

— Говори, что Его Величество хочет узнать?

Лекарь Е с любопытством спросил:

— Его Величество ничего не сказал, только велел провести маркиза Линя.

— Зачем проведывать этого демона?

— Просто... убедиться, что он еще жив.

Человек усмехнулся:

— Жив-то жив, только глухой и слепой, так что разницы почти нет.

Лекарь Е широко открыл глаза, дыхание его участилось. Это же маркиз, вельможа! Без воли императора никто бы не посмел так с ним обращаться! Почему же Его Величество...

— Я Янь Фэн, начальник теневой стражи.

Лекарь Е был полон вопросов, но Янь Фэн уже вытащил записи, сделанные со слов маркиза, и протянул их лекарю:

— Передай это Его Величеству. Это слова самого маркиза Линя.

Лекарь Е прошел внутрь, где было светлее, и, опустив глаза, увидел на бумаге строки, выведенные ярко-красными чернилами:

«Март четвертого года Юаньдэ, великий полководец Хань Чжэн поднял мятеж на границе.

Май четвертого года Юаньдэ, император отправил войска и подавил Хань Чжэна.

Август четвертого года Юаньдэ, император железной рукой вернул себе военную власть, никто в суде не посмел возразить».

Руки лекаря задрожали. Сейчас был только март, но Хань Чжэн не поднимал мятеж на границе — он заточил императора прямо во дворце! Все это... все это полностью противоречило тому, что он знал. Но записи выглядели как пророчество, а император придавал им такое значение, что лекарь невольно усомнился:

— Ты только что сказал... маркиз Линь — демон?

Янь Фэн усмехнулся:

— А кто же еще? Прежде чем Его Величество схватил его, все, что говорил маркиз, сбывалось. Должно быть, его тело занял какой-то дух, иначе как он мог предвидеть столько событий?

Лекарь Е хотел что-то ответить, но в этот момент снаружи появился Линь Цзиньчжи.

— Как ты здесь оказался? — поразился лекарь.

Линь Цзиньчжи не слышал их разговора. Увидев на каменном ложе слепого и глухого маркиза, он хрипло прошептал:

— Отец, сын пришел слишком поздно.

Маркиз не мог слышать слов сына и никак не отреагировал. Линь Цзиньчжи приказал своим людям схватить лекаря Е и Янь Фэна. Янь Фэн, решив, что это лекарь привел врагов, в ярости крикнул:

— Ты предал Его Величество?!

Лекарь Е не знал, что ответить, но в ходе завязавшейся борьбы его и Янь Фэна все же связали. Линь Цзиньчжи подошел к отцу, взял его за руку и вывел на ладони: «Я Цзиньчжи».

Маркиз наконец вздрогнул и дрожащим голосом спросил:

— Неужели это мой сын Цзиньчжи?

Линь Цзиньчжи вывел: «Да, я пришел спасти тебя».

Маркиз разрыдался. Долгая тьма свела его с ума. Император не убивал его, но подвергал таким мучениям, что он был вынужден искать утешения лишь у Янь Фэна. Маркиз понимал: император платит ему той же монетой, око за око. Но в этой тьме он действительно начал видеть в Янь Фэне свою единственную опору.

— Цзиньчжи, я совершил ошибку, я не должен был столько раз покушаться на жизнь императора, умоляю, попроси его отпустить меня! — Маркиз окончательно потерял рассудок от долгого заточения.

Линь Цзиньчжи, только что обрадованный встречей, застыл, не веря своим ушам. Пальцы его дрожали, он глубоко вдохнул: «Отец, что ты говоришь? Когда ты покушался на императора?»

Но маркиз в бреду продолжал умолять, чтобы император его не убивал. Стоявший рядом Янь Фэн не выдержал:

— То, что Его Величество не убил тебя — уже милость. За одни только попытки покушения вас всех должны были казнить до десятого колена!

Линь Цзиньчжи расширил глаза. Он всегда считал Чу Яня нерадивым правителем... думал, что тот лишил его отца титула ради власти.

— Мой отец покушался на императора?

— Хм, к чему это притворство?

Руки Линь Цзиньчжи дрожали. В такой ситуации он не мог поверить, что Чу Янь устроил хитроумную ловушку, чтобы обмануть его. Тогда... что же он натворил? Объединился с Хань Чжэном, отрезал Чу Яню пути к отступлению, позволил евнухам издеваться над ним и запер его в спальне? Эта спальня была особенной, Чу Янь создал ее для него, как клетку, но сам никогда не запирали его там, а вот он... он запер в ней самого императора.

Линь Цзиньчжи был потрясен настолько, что долго не мог прийти в себя. Неудивительно... что Чу Янь называл его лжецом. Должно быть, считал, что его близкий друг предал его и участвовал в покушениях.

Огромное чувство вины нахлынуло на Линь Цзиньчжи, сердце сжалось от боли, словно от удара. В беспомощности он вывел отца из тайного хода, а устроив его, направился к той самой спальне.

Толкнув дверь, он обнаружил, что она была приоткрыта, а изнутри повеяло невыносимым запахом крови. Линь Цзиньчжи увидел пятна крови в спальне, которые невозможно было отмыть.

Он растерянно спросил Хань Чжэна:

— Что здесь произошло?

Хань Чжэн с ледяным спокойствием усмехнулся:

— Просто убили одного человека. Кажется, Его Величество очень горевал о нем.

— Кто это?

— Кажется... его звали Гао Хуа.

Линь Цзиньчжи пошатнулся, лицо его стало мертвенно-бледным. Гао Хуа... он помнил его. Никто не мог найти тот кошель, и именно Гао Хуа помог его отыскать. Чу Янь, такой подозрительный по натуре, доверял только Гао Хуа. Для него он был как родной человек.

Неужели погиб именно Гао Хуа? Как же теперь Чу Янь? Если он придет в себя... как он перенесет эту боль?

Линь Цзиньчжи вспомнил, как бесчисленными ночами Гао Хуа с фонарем в руках провожал Чу Яня к нему в спальню. Он помнил, как Гао Хуа шептал: «Императору так тяжело, он впервые полюбил, господин... Его Величество просто не сразу понял свои чувства, когда поймет — обязательно извинится перед вами».

Тогда в сердце Линь Цзиньчжи была лишь обида, и эти слова казались ему смешными. Императору тяжело? Что за вздор! Это он убивал родных других людей, а сам, кроме детских

невзгод, жил в роскоши! К тому же, он принуждал его к таким вещам!

Но теперь, после слов отца, Линь Цзиньчжи сомневался, каким человеком был Чу Янь на самом деле.

Наконец, глубоко вздохнув, он спросил:

— Где тело Гао Хуа?

— Он еще не испустил дух, лежит снаружи.

Линь Цзиньчжи развернулся и поспешил туда — в конце концов, Гао Хуа когда-то помогал ему. Хань Чжэн в замешательстве последовал за ним. Войдя в комнату, он увидел, как Линь Цзиньчжи склонился над Гао Хуа:

— Я пришел. Есть ли у тебя последние слова?

Грудь Гао Хуа тяжело вздымалась, каждый выдох был пропитан кровью. Он вцепился в руку Линь Цзиньчжи, и слезы покатились из его глаз:

— Господин, не держите зла на Его Величество... не ненавидьте его, он просто слишком одинок, ему так больно.

Линь Цзиньчжи высвободил руку:

— Ему больно? А как же то, что он сделал со мной?

Гао Хуа, едва ворочая языком, прошептал:

— Его Величество... Его Величество...

Он выплюнул сгусток крови, пытаясь что-то сказать, но не смог. Линь Цзиньчжи, проявив редкую жалость, приказал дать ему женшечный отвар, чтобы поддержать жизнь.

Гао Хуа немного пришел в себя и дрожащим голосом поведал тайну, которую хранил десять лет. Император доверял ему так сильно, потому что Гао Хуа часто навещал его в детстве. Он считал императора красивым, не обижал его, как другие евнухи, и часто приносил ему еду.

Позже Гао Хуа перевели к наложнице, и он больше не видел императора. Спустя годы, исполняя поручение наложницы, он принес еду принцу и случайно увидел сцену: наследный принц обнимал седьмого принца, целуя его в ключицу. А в глазах седьмого принца была лишь пустота и мертвая тишина, даже когда с ним делали подобное.

Только позже Гао Хуа узнал, что при дворе ходили слухи: наследный принц был слишком

привязан к седьмому принцу, словно растил его как своего пленника.

<http://bllate.org/book/22166/2309056>